УДК 39(470.42)"2021/2023" DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-100-107

Идиатуллов Азат Корбангалиевич
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры географии и экологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова» (Россия, Ульяновск)
ORCID 0000-0003-2804-6302
E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Этноконфессиональная ситуация в Ульяновской области в период с 2021 г. по 2023 г.

АННОТАЦИЯ. Ульяновская область на современном этапе весьма своеобразна с этнической и конфессиональной точки зрения: во-первых, регион характеризуется средними значениями как по доле русского населения, так и по количеству этносов и этнических групп; во-вторых, для области характерна значительная, пусть и декларируемая, роль религии. Однако самое существенное, что за последние 30 лет изменилось (в ряде случаев весьма существенно), — соотношение наиболее многочисленных народов. В частности, в основном увеличилась численность «мусульманских» народов, но сократилась численность «христианских» народов. В статье исследуется характер межнациональных и межконфессиональных отношений в Ульяновской области на основе анализа данных стандартизированного интервью в форме уличного опроса с использованием планшетных технологий (контроль геолокации и аудиозапись проведения каждого интервью). Объем выборки по Ульяновской области — 700 человек, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Организатор — «Дом прав человека в Ульяновской области». В статье констатируется, что в связи с устойчивым трендом, зафиксированным в предыдущих исследованиях (ФОМ, ВЦИОМ), которые на протяжении десятилетий отмечают устойчиво негативное отношение россиян к народам Средней Азии, а также противоречивое отношение к исламу, изменения, коснувшиеся структуры населения Ульяновской области, привели к росту межнациональной и межконфессиональной напряженности в регионе. В частности, автор фиксирует рост напряжения респондентов в отношении к украинцам, незначительный — к мигрантам, а также к представителям иных религий. Подобные тенденции могут объяснены политическими событиями, в частности СВО, восприятием населения ситуации в регионе и в России в целом, происходящими на фоне существенных изменений этнической структуры населения (увеличение удельного веса и численности народов Средней Азии, цыган, народов Закавказья).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноконфессиональная ситуация, Ульяновская область, межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, христиане, мусульмане

Для цитирования: Идиатулов А. К. Этноконфессиональная ситуация в Ульяновской области в период с 2021 г. по 2023 г. // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 2. С. 100–107. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-100-107.

Поступила в редакцию 15.02.2025
Принята к публикации 01.07.2025

© Идиатуллов А. К., 2025

UDC 39(470.42)"2021/2023" DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-100-107

Azat K. Idiatullov
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ulyanovsk State University of Education (Russia, Ulyanovsk)
ORCID 0000-0003-2804-6302
E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Ethnoconfessional Situation in the Ulyanovsk Region in 2021–2023

ABSTRACT. Today's Ulyanovsk region is very unique from an ethnic and confessional point of view: firstly, the region is characterized by average values both in terms of the share of the Russian population and in the number of ethnic groups; secondly, the region is characterized by a significant, albeit declared, role of religion. However, the most significant thing is that over the past 30 years the ratio of the most numerous peoples has changed (in some cases, quite significantly). In particular, the number of Muslim peoples has increased, but the number of Christian peoples has decreased. The article aims at studying the nature of interethnic and interfaith relations in the Ulyanovsk region based on the analysis of standardized interview data in the form of a street survey using tablet technologies (geolocation control and audio recording of each interview). The sample size for the region is 700 people, it is representative in terms of gender and age. The Organizer — "House of Human Rights in the Ulyanovsk Region". The article states that due to the stable trend recorded in previous studies, which for decades had been recording a consistently negative attitude of Russians towards the peoples of Central Asia, as well as a contradictory attitude towards Islam, the changes that affected the population structure of the Ulyanovsk region have led to an increase in interethnic and interfaith tensions in the region. In particular, the author records an increase in respondents' tensions towards Ukrainians, and an insignificant increase towards migrants and representatives of other religions. Such trends can be explained by political events, in particular SMO, the population's perception of the situation in the region and in Russia as a whole, occurring against the background of significant changes in the ethnic structure of the population (an increase in the proportion and number of peoples of Central Asia, Gypsies, and peoples of Transcaucasia).

KEYWORDS: ethno-confessional situation, Ulyanovsk Region, interethnic relations, interfaith relations, Christians, Muslims

For citation: Idiatullov A. K. [Ethnoconfessional Situation in the Ulyanovsk Region in 2021–2023]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 2, pp. 100–107. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-4-1-100-107 (In Russian).

Received 15 February 2025
Accepted 1 July 2025

© 2025 The Author

В отечественной науке существует большое количество публикаций, посвященных изучению этноконфессиональной ситуации как в России, так и в ее отдельных субъектах. Различные аспекты этой проблемы анализировались на материалах Тюменской[1], Оренбургской[2], Челябинской[3], Ульяновской[4] областей, Республики Башкортостан[5], Республики Дагестан[6], Карачаево-Черкесской Республики[7]. Анализ данных публикаций показывает, что этноконфессиональная ситуация является результатом взаимодействия власти и общества, которое в первую очередь рассматривается в контексте этнических и религиозных групп. Наше исследование в этом смысле не является исключением, и оно будет направлено на анализ политического, этносоциального и конфессионального компонентов изучаемого явления. В частности, в центре внимания будут тенденции межконфессиональных и межнациональных отношений в регионе в первой четверти XXI в.

В первую очередь отметим, что в регионе действует несколько организаций, контролирующих и регулирующих национальные и конфессиональные вопросы. Среди них: управление по делам национальностей и межконфессиональных отношений администрации Губернатора Ульяновской области, Совет по взаимодействию с религиозными организациями при Губернаторе Ульяновской области Совет при Губернаторе Ульяновской области по межнациональным отношениям (все созданы в 2014 г.). Согласно пунктам 2.3 и 2.4 Концепции реализации государственной национальной политики «в настоящий момент в Ульяновской области отсутствуют объективные явления, способные в ближайшем обозримом будущем кардинально изменить сложившиеся тенденции развития межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений»[8]. «Вместе с тем сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма. На дальнейшее развитие межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений в Ульяновской области также могут повлиять следующие негативные факторы: распространенность негативных стереотипов в отношении представителей некоторых народов; проблемы беженцев и вынужденных переселенцев, незаконная миграция»[9]. При этом заметно, что региональная власть в своей политике в целом отдает предпочтение так называемым традиционным религиям и в первую очередь Русской православной церкви, о чем неоднократно упоминается в Концепции духовно-нравственного воспитания населения Ульяновской области (2015 г.). Приведем характерные выдержки из данного документа: «Концепция исходит из ведущей роли государства во взаимодействии с традиционными религиями…»[10], «Информационно-просветительское и культурно-просветительское обеспечение включает в себя <…> организацию работы православного лектория в рамках Дней православной культуры; проведение общественных чтений по основам социальной концепции Русской Православной Церкви…»[11]. При этом мусульманские религиозные организации, вторые по численности и количеству верующих в регионе, и сам ислам отдельно ни разу не упомянуты в документе.

---

[1] Агапов М. Г., Бобров И. В. Границы толерантности: анализ религиозной ситуации в Тюменской области // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2006. № 7. С. 222–232.

[2] Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Межэтнические и конфессиональные отношения в Оренбургской области. Оренбург, 2013. Вып. 8. 270 с.

[3] Чумаченко Т. А. Конфессиональная политика региональной власти в контексте вероисповедных реформ 1990-х гг. в России (на примере Челябинской области) // Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. научных статей. Владивосток, 2020. С. 341–349.

[4] Идиатуллов А. К. Взаимодействие татар Ульяновской области с иноконфессиональным окружением // Исламоведение. 2014. № 3 (21). С. 45–51.

[5] Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Этноконфессиональное пространство Республики Башкортостан: история формирования, современное состояние // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. № 4. С. 111–117.

[6] Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, № 1. С. 79–92.

[7] Идиатуллов А. К. Взаимодействие исламских течений в Карачаевском городском округе в конце XX — начале XXI в. // Социологические исследования. 2016. № 2 (382). С. 129–135.

[8] Цит. по: Распоряжение Правительства Ульяновской области от 15.11.2016 г. № 634-пр «Об утверждении Концепции реализации государственной национальной политики в Ульяновской области» (ред. от 05.10.2023). С. 2.

[9] Там же.

[10] Цит. по: Распоряжение Губернатора Ульяновской области от 20.02.2015 № 87-р «Об утверждении Концепции духовно-нравственного воспитания населения Ульяновской области». С. 13.

[11] Там же.

Кроме того, в современных реалиях Ульяновская область интересна с этнической и конфессиональной точки зрения. Во-первых, регион характеризуется средними значениями как по доле, так и по количеству этносов и этнических групп, занимая как бы срединное положение между регионами с низким (Республика Татарстан) и высоким (Пензенская область) удельным весом русского народа (*таблица 1*). Согласно переписи 2010 г., в регионе проживало 124 народа и этнические группы, а согласно переписи 2020 г. — 115. Самыми многочисленными народами Ульяновской области на протяжении десятилетий являются русские, татары, чуваши, мордва. Народы, которые были зафиксированы в 2010 г., но не были выявлены в 2020 г.: алеуты, ассирийцы, горские евреи, сваны, камчадалы, кеты, монголы, нагайбаки, нанайцы, нивхи, словенцы, телеуты, турки-месхетинцы, хорваты. Обратная ситуация характерна для индийцев (хиндустанцев), памирцев, ульчей, чуванцев и юкагир.

Таблица 1

Этнический состав регионов Среднего Поволжья в 2010 и 2020 гг. (согласно переписям населения)

Table 1

Ethnic composition of the Middle Volga regions in 2010 and 2020 (according to the population censuses)

Название региона	Доля русских (%) 2010 г.	Доля русских (%) 2020 г.	Количество народов и этнических групп 2010 г.	Количество народов и этнических групп 2020 г.
Ульяновская область	69,7	65,2	124	115
Самарская область	82,3	83,2	135	138
Республика Татарстан	39,7	39,3	137	137
Пензенская область	84,1	85,6	107	105

Во-вторых, область — многоконфессиональна. В 2020 г. здесь зарегистрированы 383 религиозные организации (226 — православных, 138 — мусульманских, иных — 19). В 2023 г. в области зарегистрировано 414 религиозных организаций (252 православных, 144 мусульманских, иных — 18). Для сравнения: в гораздо большей по площади и численности населения Тюменской области, которая, как известно, на протяжении десятилетий привлекательна для трудовых мигрантов, в 2023 г. было зарегистрировано 249 религиозных организаций[12]. Значительная, пусть и декларируемая роль религии — характерная черта Ульяновской области, которая фиксировалась и другими исследованиями. Например, согласно проекту Арена, в области насчитывалось больше православных прихожан Русской православной церкви (61 %), чем в целом по России (41 %), а также чем в других регионах, например, в Тюменской (29 %) и Самарской (35 %) областях[13]. Думается, что чрезмерное воздействие идеологического пресса советского времени, когда любые проявления религиозности сурово пресекались на всех уровнях организации общества (семья, школа, государственный аппарат), в некоторой степени могло спровоцировать в Ульяновской области уже в постсоветский период обратный эффект. Политическая дискредитация мифологемы «Ульяновск — родина В. И. Ленина», вызванная крахом коммунистической системы, стимулировала более активный поиск замещающих идентификационных маркеров, исторически оппозиционных коммунизму, с его ярко окрашенной неприязнью к православию[14].

[12] Религиозные организации Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/religion/more.htm?id=10388762%40cmsArticle (дата обращения: 22.01.2025).
[13] Арена. Атлас религий и национальностей России. URL: https://sreda.org/arena (дата обращения: 22.01.2025).
[14] Идиатуллов А. К. Религиозность русского населения г. Ульяновска в начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–4 (61). С. 136.

Определенную роль в этом процессе сыграла и конкуренция соседних регионов, также искавших в начале 90-х годов опоры для своей идентичности. В частности, соседние республики (Татарстан, Чувашия, Мордовия) очевидно сделали ставку на конструирование национальной идентичности своих титульных этносов, в то время как экономически более успешная Самарская область позиционировала себя как флагман российской экономики в постсоветский период. Современные исследования также констатируют, что образ Самарской области в восприятии населения включает учебные заведения и промышленные предприятия. «Эти объекты, расположенные в крупных городах региона (Самара, Тольятти), имеют не только прагматическое, но и культурно-символическое значение»[15]. На фоне соседей Ульяновская область очевидно проигрывала им в основаниях для подобных идентичностей. Православная идентичность стала фактически единственной альтернативой для Ульяновской области в тот период, и за неимением или слабой позиции иных брендов («Авиационная столица России»[16], «Ульяновск — культурная столица»[17]) закрепилась в регионе до сегодняшнего дня.

В-третьих, Ульяновская область своеобразна в том, за последние 30 лет изменилось (в ряде случаев весьма существенно) и соотношение наиболее многочисленных народов (*таблица 2*). Так, в период с 1989 по 2020 г. сразу три народа, входивших в первую десятку по численности, оказались во второй десятке (белорусы, евреи, немцы). В первой десятке, напротив, оказались цыгане, узбеки и таджики, причем цыгане впервые за всю историю статистических измерений заняли пятое место в регионе, опередив по численности украинцев.

Таблица 2

Динамика этнической структуры населения Ульяновской и Тюменской областей с 1989 по 2020 г. (согласно переписям населения)

Table 2

Dynamics of the ethnic structure of the population of the Ulyanovsk and Tyumen regions from 1989 to 2020 (according to the population censuses)

Динамика	Ульяновская область	Тюменская область
Увеличение численности	Вьетнамцев (в 57,8 раза), арабов (в 37,3 раза), турок (в 11,4 раза), езидов (в 8,6 раза), таджиков (в 7,4 раза), цыган (3,5 раза), армян (в 2,3 раза), киргизов (в 2 раза), узбеков (в 1,6 раза), туркменов (в 1,4 раза), азербайджанцев (в 1,3 раза)	Таджиков (в 24 раза), ногайцев (в 13,2 раза), кумыков и узбеков (в 4,8 раза), лезгин (в 4,4 раза), армян (в 2,3 раза), чеченцев (в 2,2 раза), азербайджанцев (в 1,7 раза) ненцев (в 1,6 раза), манси (в 1,5 раза), хантов (в 1,4 раза), казахов (в 1,3 раза)
Уменьшение численности	Эстонцев (в 5,7 раза), белорусов и латышей (в 5,3 раза), украинцев и евреев (в 4,6 раза), поляков (в 4,2 раза), литовцев (в 4 раза), удмуртов (в 3,7 раза), марийцев (в 3,3 раза), молдаван (в 2,9 раза), мордвы (в 2,7 раза), башкир (в 2,4 раза), немцев (в 2,1 раза), чувашей, казахов и ингушей (в 2 раза), грузин и лезгин (в 1,7 раза), татар и аварцев (в 1,4 раза), русских (в 1,3 раза)	Белорусов (в 4,5 раза), украинцев (в 3,6 раза), мордвы (в 3,1 раза), поляков (в 2,7 раза), коми-пермяков (в 2,7 раза), немцев (в 2,5 раза), удмуртов (в 2,4 раза), чувашей (в 2,1), молдаван (в 2 раза), коми (в 1,9 раза)

[15] Цит. по: Цветкова И. В. Ментальные карты региональной идентичности (на примере эмпирического исследования в Самарской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 3 (51). С. 138.

[16] Авиационная столица России // Ростех. URL: https://rostec.ru/media/news/4513136/#start (дата обращения: 22.01.2025).

[17] Культурная столица Содружества — Ульяновск // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://cis.minsk.by/thematic/48/2011/2 (дата обращения: 22.01.2025).

Сравнивая изменения в Ульяновской области с Тюменской областью за аналогичный период (*таблица 2*), не сложно заметить как различия, так и сходства. Что касается различий, то значительный рост численности в Ульяновской области наблюдается среди народов Средней Азии (таджиков, киргизов, узбеков, туркменов), народов Закавказья (армян и азербайджанцев). Большая часть из них (кроме армян) относится к мусульманским. А самая значительная убыль наблюдается среди славянских народов (белорусы, украинцы, поляки), народов Балтии (эстонцев, латышей, литовцев) и финно-угорских народов Урало-Поволжья (мордвы, удмуртов, марийцев) и самых многочисленных народов области (чувашей, татар, русских), большую часть из которых (кроме татар) обычно относят к христианским народам. В Тюменской области самый значительный рост численности наблюдается среди народов Северного Кавказа (ногайцев, кумыков, лезгин, чеченцев), народов Средней Азии (таджиков и узбеков). Все эти народы в большинстве своем исповедуют ислам. А самая значительная убыль наблюдается среди славянских народов (белорусы, украинцы, поляки) и финно-угорских народов Урало-Поволжья (мордвы, коми-пермяков, удмуртов), которые традиционно исповедуют христианство. Таким образом, объединяет оба региона, несмотря на все имеющиеся различия, изменение в соотношении народов, традиционно исповедующих ислам и христианство. Показательно, что ряд социологических служб уже неоднократно обращали свое внимание на отношения россиян к этническим и религиозным группам, чья численность заметно увеличилась в Ульяновской области за последние 30 лет. Например, согласно ВЦИОМ, в 2010 г. отвечая на вопрос «Назовите, пожалуйста, нации и народы, представители которых вызывают у вас чувство раздражения, неприязни?» (открытый вопрос, любое количество ответов), 29 % респондентов назвали кавказцев (азербайджанцы, армяне, грузины, ингуши и т. д.), 6 % — народы Средней Азии[18]. Согласно ФОМ, в 2018 г. при ответе на вопрос «Представители какой или каких национальностей вызывают у вас раздражение или неприязнь?» (среди респондентов, у которых представители других народов вызывают неприязнь) первые места заняли народы Кавказа в целом, а также узбеки и таджики[19]. Наконец, согласно исследованию ФОМ, в 2014 г., отвечая на вопрос «А сегодня ислам, по вашему мнению, играет в России положительную или отрицательную роль?», 32 % респондентов выбрали вариант «отрицательную» и только 25 % — «положительную»[20].

В связи с устойчивым трендом, зафиксированным в предыдущих исследованиях (ФОМ, ВЦИОМ), которые на протяжении десятилетий отмечают устойчиво негативное отношение россиян к народам Средней Азии, а также противоречивое отношение к исламу, можно предположить, что изменения, коснувшиеся структуры населения Ульяновской области, приведут к росту межнациональной и межконфессиональной напряженности в регионе.

Рассмотрим характер межнациональных и межконфессиональных отношений в Ульяновской области на основе анализа данных стандартизированного интервью в форме уличного опроса с использованием планшетных технологий (контроль геолокации и аудиозапись проведения каждого интервью). Объем выборки по Ульяновской области — 700 человек, выборка репрезентативна по полу и возрасту. Организатор — областное государственное казенное учреждение «Дом прав человека в Ульяновской области»[21]. Исследования по данной методике проводились в период с 2021 по 2023 г. ежегодно.

В первую очередь обратим внимание, что данное исследование зафиксировало высокий удельный вес верующих, и в частности православных, уже отмеченный выше.

Большинство участников исследования (81 %) считают себя верующими, атеисты — 16 % респондентов[22]. Среди верующих 86 % опрошенных — это православные, 12,6 % — мусульмане, другие религии исповедуют значительно меньшее число опрошенных (около 1,6 % в целом)[23].

---

[18] Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/etnicheskie-simpatii-i-antipatii-rossiyan (дата обращения: 22.01.2025).

[19] Межнациональные отношения в России // ФОМ. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14157 (дата обращения: 22.01.2025).

[20] Ислам — «соседняя дружественная религия» // ФОМ. URL: https://fom.ru/TSennosti/12121 (дата обращения: 22.01.2025).

[21] Мониторинг ключевых показателей межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе. Материалы социологического исследования. Ульяновск, 2023. С. 3–4.

[22] Там же. С. 16–17.

[23] Там же.

Разумеется, столь высокий удельный вес декларируемой религиозности не должен вводить в заблуждение относительно реальной религиозной жизни населения региона. Тот же опрос зафиксировал, что лишь 45 % верующих участников исследования посещают церковь, мечеть несколько раз в год, каждый второй мусульманин, участвовавший в опросе, никогда не посещает мечеть. 68 % участников исследования, назвавших себя верующими, празднуют только самые значимые религиозные праздники[24].

Исследование показало, что такие проблемы, как нарастание враждебности между коренным населением и мигрантами, а также между представителями различных национальностей и религий, располагаются на нижних строчках рейтинга[25]. Таким образом, их актуальность незначительна и не превышает статистической погрешности выборки. Результаты исследования показывают, что толерантное отношение к представителям других национальностей декларируют 85 % респондентов[26]. Чаще всего негативные эмоции у нетолерантных респондентов в 2023 г. вызывают цыгане (52 %). Почти каждый третий опрошенный (31 %) высказался негативно в отношении народов Средней Азии, 15 % — украинцев, 14 % — народов Кавказа, 13 % — азербайджанцев[27]. Интересно, что первая шестерка народов, вызывающих неприязнь, за исключением украинцев и народов Северного Кавказа, относится к группе упомянутых выше этносов, которые значительно увеличили свою численность и удельный вес в период с 1989 по 2020 г.

Также заметно, что за исследуемый период (2021–2023 гг.) заметно некоторое снижение уровня неприязни к отдельным народам. В особенности к народам Северного Кавказа, азербайджанцам, армянам. При этом негативные отношения к украинцам увеличились почти в три раза и составили 15 % в 2023 г. против 5 % в 2021 г.[28], что можно объяснить политическими событиями, в частности специальной военной операцией (СВО).

Толерантное отношение к представителям других религиозных течений декларируют 93 % опрошенных[29]. Напряженными, конфликтными межрелигиозные отношения в регионе характеризуют 7 % опрошенных (с октября 2022 г. по октябрь 2023 г. заметно увеличение доли таких ответов)[30]. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, возможны ли конфликты на межрелигиозной почве в Ульяновской области?», в 2023 г. выбрали вариант «возможны» 37 % против 17 % в 2022 г.[31]

Мы предполагаем, что некоторый рост напряжения по отношению к другим религиям может быть связан с общей поляризацией оценки роли своей религии. С одной стороны, увеличилась доля тех, кто считает свою религию единственно истинной, с другой — тех, для кого все религии имеют право на существование.

Кроме того, с октября 2022 г. по октябрь 2023 г. возросло число сторонников ограничительных мер в отношении въезда иностранных граждан. В 2023 г., отвечая на вопрос «С каким из перечисленных суждений о привлечении мигрантов в Ульяновскую область вы согласны в большей степени?», 49 % ответили, что считают необходимым ограничить/сократить въезд мигрантов в Ульяновскую область, в 2022 г. такие ответы составили только 38 %[32].

Таким образом, исследование показало, что в настоящий момент в Ульяновской области отсутствуют объективные явления, способные в ближайшем обозримом будущем кардинально изменить сложившиеся тенденции развития межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений. В регионе достигнут достаточно высокий уровень межнациональной и межконфессиональной толерантности. В регионе функционируют органы, созданные с целью содействия реализации на территории Ульяновской области Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Тем не менее анализ данных социологического опроса показывает рост напряжения респондентов в отношении к украинцам, незначительный —

[24] Там же. С. 17–18.
[25] Там же. С. 8–9.
[26] Там же. С. 12.
[27] Там же. С. 12–13.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 19.
[30] Там же. С. 20.
[31] Там же. С. 21.
[32] Там же. С. 22.

к мигрантам, а также к представителям иных религий. Подобные тенденции могут объяснены политическими событиями, в частности СВО, восприятием населения ситуации в регионе и в России в целом, происходящими на фоне существенных изменений этнической структуры населения (увеличение удельного веса и численности народов Средней Азии, цыган, народов Закавказья).

References

Agapov M. G., Bobrov I. V. [The Limits of Tolerance: Analysis of the Religious Situation in the Tyumen Region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2006, no. 7, pp. 222–232. EDN: JJTQIX. (In Russian).

Amelin V. V., Denisov D. N., Morgunov K. A. *Mezhetnicheskiye i konfessional'nyye otnosheniya v Orenburgskoy oblasti* [Interethnic and Confessional Relations in the Orenburg Region]. Orenburg: Izdatel'sko-poligraficheskiy kompleks "Universitet" Publ., 2013, iss. 8. (In Russian).

Buttaeva A. [Islam in Polyconfessional Daghestan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2012, vol. 15, no. 1, pp. 79–92. EDN: PYGKRR. (In Russian).

Chumachenko T. A. [Confessional Policy of the Regional Authorities in the Context of Religious Reforms of the 1990s in Russia (The Case of Chelyabinsk Region)]. *Reformy kontsa XX — nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyy aspekt: sb. nauch. statey* [Reforms of the Late 20th — Early 21st Century in the Post-Soviet Space: A Regional Aspect: Collection of Articles]. Vladivostok: IIAE DVO RAN Publ., 2020, pp. 341–349. EDN: JYUJES. DOI: 10.24411/9999-056A-2020-10034 (In Russian).

Idiatullov A. K. [Interacting Islamic Currents in Karachay Urban District, Late 20th — Early 21st Century]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2016, no. 2 (382), pp. 129–135. EDN: VWRNTH. (In Russian).

Idiatullov A. K. [Interaction of Tatars of the Ulyanovsk Region with Other Religious Environment]. *Islamovedeniye* [Islamic Studies], 2014, no. 3 (21), pp. 45–51. EDN: TABLUX. (In Russian).

Idiatullov A. K. [Religiosity of Russian Population in Ulyanovsk at the Beginning of 21st century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 1–4 (61), pp. 135–138. EDN: TOLCPD. (In Russian).

Mukhametzyanova-Duggal R. M. [Ethno-Confessional Space of the Republic of Bashkortostan: History, Current Status]. *Izvestia Ufimskogo Nauchnogo Tsentra RAN* [Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre], 2018, no. 4, pp. 111–117. EDN: VNGXNS. DOI: 10.31040/2222-8349-2018-0-4-111-117 (In Russian).

Tsvetkova I. V. [Mental Maps of Regional Identity (By the Example of an Empirical Research in Samara Region)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Social Sciences], 2019, no. 3 (51), pp. 131–141. EDN: XRKDDF. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-3-13 (In Russian).